

*Петр Бицилли.
София. 1930*

«История моей жизни более напоминает библиографию, нежели биографию...»

В.В. Набоков

«Философ и историк прежде всего – творчески в области своей науки раскрывающая себя личность. Его научная деятельность и является его биографией...»

П.М. Бицилли

*Владимир Набоков.
Берлин. 1929*

Даже в самом страшном сне я не посмел бы коснуться такого незаурядного творца, как Владимир Владимирович Набоков, если бы не произошло несколько знамений.

Я, вроде бы образованный болгарин, начал не только читать, но и писать по-русски. И не потому что я был, по словам самого Набокова, «совершенно обычным трехязычным ребёнком в семье с большой библиотекой». А всё из-за того, что я уже 30 лет занимаюсь исследованиями русской эмиграции в Болгарии XX века.

В сентябре – октябре 2018 г., при замечательной погоде, я успел объехать (впервые в моей жизни) почти все сказочные дворцы и божественные храмы Петербурга, кроме Ораниенбурга и Монрепо (ещё совсем не восстановленного). Это чудо стало возможно благодаря моему закадычному другу Саше Клементьеву – коренному петербуржцу и учёному – знатоку города на Неве. Сто лет назад тут дьявольские «орки», по наущению Антихриста, взбесились и не оставили почти камня на камне, не только в духовном, но тем паче и в материальном смысле (совершенно пропал, например, волшебный «Дом-сказка» – № 21–23 по Английскому проспекту). По метким словам профессора Н.Н. Глубоковского, на месте блестящей империи Царя установилось тёмное «уголовное» государство... Тридцать лет назад всё начало возвращаться на круги своя, но было уже совсем не то... Посетил я и красочный фамильный особняк Набоковых («с цветистой полоской мозаики над верхними окнами») на Большой Морской улице...

Намедни я получил e-записочку от моего замечательного знакомого (не осмеливаюсь ещё назвать его другом), князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского по поводу заметки В.В. Набокова под девизом «*Вся Россия, которая мне нужна, всегда со мной...*».

Всё это пробудило во мне поток мыслей, которые хлынули словно быстрый весенний ручеек в моем сознании. Ими и захотелось поделиться со всем миром...

Умудрился я родиться в самом южном городе на реке Дунай, куда прибыл сам Царь-Освободитель Александр Второй в 1877 году, когда с большими жертвами была вызволена Болгария, после столетнего ига инородцев и иноверцев. Когда пришло время меня крестить, были страшные времена сатанинской сталинщины и все боялись стать крестными отцами. Тогда моя бабушка *Православа* (внучатая племянница митрополита) нашла праведного человека по имени Трегубов Валерий Георгиевич (1887–1973), который единственный не побоялся. Как не убоился в 1919 году быть штабс-капитаном кавалерии генерала К.К. Мамонтова в знаменитом рейде на Москву...

Вскоре после этого, в один и тот же год, ушли из жизни кровопиец и упырь Сталин, великий композитор Прокофьев и учёный-гуманитарист Петр Михайлович Бицилли (1879–1953) – белоэмигрант в Болгарии. Кстати, таких русских эмигрантов в Болгарии было свыше 35 тысяч после 1921 года. Они были в высшей степени представителями элиты русского общества тех времён и оставили глубокий след в развитии болгарской науки и культуры. Представители русского зарубежья в стране отличались высокими профессиональными и нравственными качествами и добродетелями – европейской образованностью, профессиональным мастерством и совершенством, православной духовностью, благородным воспитанием, сердечной добротой и обострённым чувством долга и чести. Благодаря этому они производили особое впечатление на окружающих, о чём свидетельствуют воспоминания современников. Никогда не надо забывать и о том, что по разным причинам – в основном, сугубо политическим – выдающиеся достижения деятелей русского зарубежья в Болгарии, нередко людей мировой известности занижались, умалчивались, а иногда их имена были под запретом вплоть до 1990 года.

Между Набоковым и Бицилли установилась хоть и не прямая, но очень глубокая связь несмотря на все объективные обстоятельства и препятствия. Владимир Владимирович так или иначе обитал в самых развитых тогда странах: Англии, Германии, Франции и США. Пётр Михайлович, хоть и был блестящим профессором Софийского университета, попал в настоящую информационную «чёрную дыру» и из-за мизерного жалования не имел вовсе возможности ездить по Европе, как во времена Российской империи. Всё-таки они встретились, благодаря знаменитому литературному журналу русской эмиграции *«Современные записки»* (Париж). На его страницах энтомолог и писатель Владимир Сирин (Набоков) опубликовал свои романы *«Машенька»*, *«Защита Лужина»*, *«Приглашение на казнь»* и *«Дар»*. Эти провидческие шедевры были встречены критикой с большим непониманием и даже отрицанием... И это не случайно, так как все его творчество есть высокий протест человеческой души против хаоса, зла, глупости, тупости, лживых политических идей и других наущений, а также против самой критики, которая оценивает художественное произведение по внеэстетическим критериям – идеологическим, социологическим и психоаналитическим.

Первым, кто смог понять всю глубину набоковского гения, стал именно профессор Бицилли на своей тьмутараканской окраине. Это произошло в его программной и принципиально важной статье *«Возрождение аллегории»* (Совр. зап., № 61, 1936, с. 191–204), посвящённой анализу новаторского творчества писателя В.В. Набокова. В ней он толкует о романе *«Приглашение на казнь»* и сравнивает его с произведениями Гоголя, Достоевского и Салтыкова-Щедрина. Позже, в письме В.В. Рудневу он заключает, что *«...прочитавши до конца «Приглашение на казнь», я убедился окончательно, что Сирин – гениальный писатель...»* (Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Москва, 2000, с. 447). Дальше учёный констатирует, что возрождение аллегии Набоковым в высшей степени знаменательно для современной эпохи. В своих довольно глубоких рецензиях творчества молодого писателя он уловил и понял его блистательный талант и выдающуюся конгениальность с великими русскими писателями. С самого начала он рассматривал его как равного Нобелевскому лауреату Бунину.

Сам Набоков высоко оценил эти работы и справедливо заметил: *«Умнее всех, кажется, писал Бицилли»* (Шраер М.Д. Набоков: темы и вариации. СПб, 2000, с. 283). По сведениям друга Бицилли В. Ю. Макарова (1914–2007), героя процесса против Солженицына в Болгарии в 1974 году, и его дочери Марьи Петровны, выдающийся исследователь стал, вероятно, прототипом одного из героев четвёртой главы романа *«Дар»* Набокова...

И всё-таки, как и зачем так получилось, что эти два одарённых и озарённых русских человека как-то через поля, леса, моря и горы разглядели друг друга и внимали душам друг друга? Этот секрет раскрывается самим Набоковым в романе «Дар» через магическую аллегория: «*В земном доме вместо окна – зеркало*». Как хорошо известно, зеркало с самых давних времён наделялось магической силой и сверхъестественными свойствами. Тут нельзя не припомнить, что именно зеркало является самым загадочным предметом среди семи священных атрибутов Элевсинских таинств древней Греции. Посвящаемый мог вглядываться через зеркало в потусторонний мир. Следы такого восприятия сохранились в русских народных сказках. Так, например, Бахтин описывает зеркало не как предмет, а как гносеологическую функцию. Для учёных тартусской школы оно является механизмом организации картины мира, строящейся на противопоставлении разных миров (Зеркало. Семиотика зеркальности. – Тарту, 1988, с. 4).

Тема изгнанничества, которую выделяют исследователи, приобретает в творчестве В. Набокова максимально расширенное значение. Это изгнание из России, из прошлого, из мира гармонии, счастья в мир чуждый, где герой расколот: физически находится в этом мире, духовно – в потерянном мире мечты. Мотив вырастает до символа – вся жизнь в эмиграции воспринимается как тень настоящей жизни в юности, в России, которую он восстанавливает по памяти. Обязательным условием допуска к мистериям Набокова можно безусловно назвать порядочность и владение русским языком.

Неслучайно именно студии Бицилли стали тем зеркалом, в котором видел себя сам Набоков. Это выражено самым проникновенным образом в стихах Вячеслава Иванова («*Прозрачность*»):

*«Я на дне своих зеркал.
Я – пред ликом чародея,
Ряд встающих двойников».*

Тогда ещё не была известна книга двадцатого века – роман «Мастер и Маргарита» их современника М.А. Булгакова. Не была ещё написана и Библия тоталитарного Левиафана «Архипелаг ГУЛАГ», но не зря её автор Александр Исаевич Солженицын, получивший Нобелевскую премию, первым делом рекомендовал на её присуждение именно В.В. Набокова. В то же время некий французский писатель (*sic!*) Жан-Поль Сартр сделал всё, чтобы эту премию не получили Анна Ахматова и Александр Солженицын... В самую страшную пору он, славивший борцом за права человека, утверждал, что советские граждане могут вполне свободно ехать за границу (!), но не хотят (!), так как они очень заняты построением нового общества для счастья всего человечества...

На фоне таких «интеллектуалов» на цивилизованном Западе Набоков и Бицилли были как старозаветные мудрецы, которые предостерегали как от грядущего Хама, так и от уже наступившего всевластного Антихриста. Русские эмигранты (одни из самых культурных людей тогда в мире) на своей собственной «шкуре» испытали все «прелести» нового тоталитарного рая, из которого были изгнаны по причине своей интеллигентности и свободомыслия (см. *Философский пароход*, 1922 г.).

В.В. Набоков написал философско-эротический бестселлер «*Лолита*», что снискало ему мировую славу и обеспечило писателю беззаботное существование в скучной Швейцарии. П.М. Бицилли выпала иная, горькая, доля – он был беспричинно уволен из Софийского университета по навету своих новоявленных и часто малограмотных «коллег», которые завидовали его несравненной компетентности, профессиональному и моральному авторитету, неугасаемому интересу и любви студентов. Он угас в полной нищете и изоляции... В то самое страшное время вурдалаков и «длинных ножей» в Болгарии (1944–1954) был убит, без суда и приговора, только потому что он «классовый враг», князь Дмитрий Иванович Лобанов–Ростовский (1907–1948). Говорят, что перед смертью его спросили: «Это верно, что ты был князем?!», а он спокойно ответил: «Но я и емь Князь...».

«Русскость – это не национальность (не звание и не статус) – это состояние Души и высота Духа в их устремлённости к Богу». Такие русские писатели, как Набоков, и учёные, как Бицилли, – прямое свидетельство этой апофтегмы...